

Виктория ПЕШКОВА

ЕГО НИЗЛОЖЕННОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ФЕСТИВАЛЬ ИМ. Н.Х. РЫБАКОВА В ТАМБОВЕ

Фестиваль позиционируется как актерский: главными номинациями являются Актер и Актриса России. Эксперты отбирают спектакли, руководствуясь единственным, по сути, критерием – есть ли в них достойные внимания актерские работы. Но талант исполнителя, дарованный ему от Бога (или от Природы) далеко не всегда становится для номинантов залогом успеха. Режиссер ли ошибается в назначении на роль, драматург ли оказывается исполнителю не по плечу, так или иначе, жюри порой приходится оценивать претендента не благодаря, а вопреки увиденному на сцене.

КОРОЛЬ УМЕР?

Если энтропия сильнее гармонии, это не означает, что ей не нужно противостоять – так, наверное, можно было бы сформулировать кредо театрального фестиваля им. Н.Х. Рыбакова. Он и был в свое время организован для того, чтобы актеры, честно и самоотверженно служащие провинциальному театру, получили возможность быть оцененными по достоинству. Именно поэтому Малый театр, хранитель традиций русской психологической школы, откликнулся на инициативу театральной общности Тамбова, поддержанную администрацией области, и стал соучредителем фестиваля.

Тамбов – не просто гостеприимный, он очень театральный город. Здесь театр любят, причем, не только жители (они же зрители, причем – отзывчивые и благодарные), но и власть предержащие, что в провинции большая редкость. Как показывает практика, возведение нового торгового центра зачастую кажется им более перспективным, чем капитальный ремонт и техническое переоснащение театра, несмотря на все его былые или настоящие заслуги, историческую ценность здания. Но фестиваль имени Н.Х. Рыбакова – не единственная гордость Тамбова и не единственный театральный фестиваль – есть еще и популярный среди молодежных коллективов региона (да и за его пределами) «Виват, театр!». Известен город и своими музыкальными фестивалями – имени Сергея Рахманинова и хоровым – «Песни над Цной». Здесь устраивают

даже фестиваль чтения, а не просто книжную выставку-ярмарку. У небольшого города с обилием архитектурных памятников, великолепно отреставрированных церковей, расположенного в живописнейшем месте южной России, есть потенциал, стать «русским Веймаром», очень хочется верить, что когда-нибудь эту возможность Тамбову удастся реализовать.

Признание актеру – человеку изначально «подневольной», зависимой профессии, необходимо как воздух. Медийная слава общероссийского масштаба, которой (порой незаслуженно) одаривает кино и телевидение, провинциальному актеру не светит. «Золотая маска», несмотря на то, что она объявлена как всероссийский фестиваль и с некоторого времени считается главной театральной премией страны, воздать должное всем, кто этого заслуживает, не в состоянии, даже если бы организаторы и задалась такой целью. Страна у нас огромная, но добраться из Москвы до самых до окраин у членов экспертного совета «Золотой маски» (очень «денежной», сверх обеспеченной, с роскошными церемониями награждений, с солидными гонорарами критикам-отборщикам), зачастую не хватает не столько сил или времени, сколько желания. Да что там окраины, если в Москве есть театры, даже расположенные внутри(!) Садового кольца, куда они почему-то никогда не заглядывают.

Разумеется, ни один фестиваль не может претендовать на стопроцентную беспристрастность, поскольку на состав номинантов, так или

иначе, влияют эстетические и художественные предпочтения «оценщиков», которым ничто человеческое не чуждо. Но ситуацию можно было бы исправить, если бы состав совета менялся (по существу, а не формально, обманно) так, чтобы отражать палитру мнений/пристрастий/симпатий (а, следовательно, и направлений, типов, структур, «систем» актерской игры) в современном театре как можно объективней. Однако на «Маске» все устроено так, что, за редким исключением, из года в год в него входят если и не одни и те же люди, то, во всяком случае – принадлежащие одному, и не очень обширному кругу. Как результат – обилие «странных» номинантов и еще более «странных», труднообъяснимых не только для критики, но и для обычного зрителя, награждений.

Учрежденные Тамбовским фестивалем звания «Актер России» и «Актриса России», предполагают, в первую очередь, сохранение и развитие традиций русского психологического театра, причем не в Москве и Петербурге (которые и без того не обделены вниманием), а именно в провинции, где позиции реалистического театра пока еще в большем почете и более сильны, чем в столицах. Имя Николая Хрисанфовича Рыбакова – великого русского провинциального актера – странника, реалиста и психолога, объясняет выбор и программу фестиваля. Естественно, что премии по этим двум главным номинациям (по целому ряду объективных причин) не могут претендовать на всеохватность и «безусловность». Но из этого не следует, что их не стоит вручать.

Организаторы (о том, как четко и слаженно, без накладок и перебоев уже семь лет подряд работает оргкомитет стоило бы написать отдельную статью в назидание всем заинтересованным лицам) прекрасно отдают себе отчет в том, что при существующем, весьма скромном, бюджете – «зона оперативной ответственности» фестиваля более или менее сопоставима лишь с условной «средней полосой» России, а количество участников, прямо скажем, невелико. Как правило, пять-шесть в конкурсной программе плюс два-три студенческих коллектива, приглашенных в Молодежный проект. Российская провинциальная театральная

карта – это порядка трехсот «точек», если брать в расчет только профессиональные, государственные и существующие по факту, а не на бумаге, драматические театры, исключив музыкальные и кукольные, оценка которых дается по иным критериям. И в каждой из этих «точек» идет своя жизнь, рождаются, существуют, творят достойные этого высокого звания «Актер России» таланты, но и – умирают, не обязательно физически... Профессиональная смерть в безвестности для актера, чувствующего себя полным сил, – еще страшнее. Однако увидеть на тамбовской сцене театры Калининграда, Архангельска или Краснодара – почти невероятно. О театрах Восточной Сибири или Дальнего востока вопрос вообще не стоит. Никакого фестивального бюджета на приглашение столь дальних «географически» гостей не хватит. И на собственные средства им добираться в Тамбов не под силу. Немногим удастся найти средства для участия в «географически» отдаленных фестивалях. Максимум, что может себе позволить большинство провинциальных театров, это раз в пять-семь лет рискнуть прорваться на все ту же «Золотую маску». Выполняя задачу минимум скромнее – прилично приблизиться на «своем» местном, проходящем поблизости конкурсе – празднике – показе. Рассчитывать на то, что в обозримом будущем положение с фестивалями (заменившими и подменившими собой великолепно налаженную в советское время систему гастролей, почти уничтоженных в новой России, все еще не возродившихся, хоть и остро необходимых в огромной стране) хоть как-то (пусть не кардинально!) изменится в лучшую сторону, увы, не приходится.

Ограниченность средств – общая беда региональных фестивалей, но ответственность за неудачи или полуудачи Рыбаковского ложится и на экспертный совет. Проблемы отбора – примерно те же, что и с «Золотой маской», только масштабы иные. Конечно, можно было бы сослаться на то, что эксперты отсматривают спектакли в соответствии с поданными заявками. На первый взгляд все так, но за подобным заявлением просматривается сложность, которую даже профессиональным уровнем экспертного совета не объяснишь.

Это количественная и качественная недостаточность современной режиссуры, которая в провинции ощущается во сто крат острее, чем в столицах. У талантливых постановщиков (которых никогда не бывает много) график работы составлен на несколько лет вперед, да и не каждый провинциальный театр им интересен. Увы, на необъятных наших просторах и сегодня много случайной, непрофессиональной режиссуры. Радикалы–дилетанты в этом смысле мало отличаются от замшелых консерваторов, разве что повышенной активностью, которой стараются компенсировать собственное бесплодие. Что касается одаренных и сильных, то далеко не всегда худрук стационара (что в провинции, что в столице) готов пустить к себе «варяжского гостя» из опасения за собственное место, свой престиж, и профессиональную репутацию. А псевдорежиссеров с дипломами и без таковых с каждым годом становится все больше. Справедливости ради заметим, что профессиональная планка неумолимо снижается во многих творческих профессиях, не только театральных. Но это, согласитесь, слабое утешение.

Надстаточность и амбициозность режиссера крушит актерскую судьбу жесточе и бесповоротней, чем его собственную, идет ли речь о штатной режиссуре театра, или о приглашенной. Гость–радикал всегда может объяснить свои слабости неготовностью консервативной провинциальной труппы принять столичные новации.

Оценить актера по достоинству на основании единичного и краткого фестивального показа бывает непросто. Номинации иногда не совпадают с итоговыми наградами. На нынешнем Рыбаковском фестивале с подобными ситуациями пришлось сталкиваться до обидного часто. Правда, обе главных награды все-таки нашли своих героев именно среди номинантов.

А вот на предыдущем, VI фестивале, «Актером России» стал артист, который даже не был номинирован на премию. От Самарского академического театра драмы на звание «Актриса России» была представлена Жанна Романенко за роль Мелиссы Гарднер в спектакле «Любовные письма» по пьесе Альберта Гурнея.

Работа ее партнера – Владимира Борисова (Эндрю Лэдд III) не обсуждалась. Эксперты, видимо, сочли некорректным предлагать две кандидатуры из одного театра. Однако, по результатам голосования «Актрисой России» стала артистка из другого коллектива (дальнего и маленького), а жюри воздало должное народному артисту России Владимиру Борисову, его роли, сыгранной оригинально, свободно, ярко и сложно. Высококласная работа мастера, не сопоставимая с работами других основных соискателей, была оценена по заслугам.

Есть и еще один фактор, существенно влияющий на полноту самораскрытия актера, реализации его возможностей – присутствие (или отсутствие) в репертуаре провинциального театра полноценной современной драматургии. Разумеется, есть на периферии театры–флагманы, которые по большому счету и периферийными не назовешь, – многим столичным фору дадут. Есть и режиссеры, которые не боятся рисковать и экспериментировать. Но их, как уже говорилось, немного. Из страха отпугнуть среднестатистического зрителя с давно устоявшимися вкусами и предпочтениями, который как раз и делает кассу, – большинство предпочитает классику в ее «законсервированном» виде. Актер же поставлен перед выбором: либо его заставляют играть «как положено», и он вольно или невольно сбивается на штампы «времен очаковских и покоренья Крыма»; либо, когда режиссер, мечтает заполучить хоть парочку листочков из лаврового венка новатора, требуя игры «против логики», – превращается в марионетку, в той или иной мере подчиненную произволу.

В афише нынешнего фестиваля классика была представлена Шекспиром, Мольером и Сухово-Кобылиным. Самым молодым из драматургов оказался американец Треиси Леттс, его «Август. Графство Оссейдж» в 2008 году получил Пулитцеровскую премию. В середине «возрастного» спектра очутились Николай Эрдман (сценическая история «Самоубийцы» не столь продолжительна, чтобы пьеса успела обрасти какими бы то ни было режиссерскими и исполнительскими штампами) и Владимир Гуркин с последней и, возможно, лучшей из

своих пьес – «Саня, Ваня, с ними Римас», которую тоже «заигранной» не назовешь. «Формула успеха» сложилась из простых компонентов: неподдельный интерес актеров к драматургическому материалу+точное совпадение психологии актеров с сущностными свойствами персонажей+заведомый отказ режиссера от личного «самовыражения» за счет таланта и свободы исполнителей.

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПО-РУССКИ

Модная иностранная пьеса может сыграть с русским театром злую шутку. Пьеса Трейси Леттса «Август. Графство Оссеэйдж» уже несколько лет победным маршем идет по стране. Ее с равным энтузиазмом ставят и столичные (как, к примеру, театр им. Маяковского), так и периферийные (Омская драма или новосибирский «Глобус») коллективы. Однако Самарскому академическому театру драмы им. М. Горького на Рыбаковском фестивале она удачи не принесла. Проникновение в менталитет нации, зародившейся и развивавшейся в условиях, которые коренным образом отличаются от тех, что мы имеем под сенью родных осин, требует вдумчивой и кропотливой работы, точности в незаметных на первый взгляд деталях. Только тогда можно сыграть американскую историю так, чтобы она стала понятна и близка нашему зрителю, а не воспринималась им как иллюстрация «их нравов». А с этой постановкой случилось именно так. Совместная работа Вячеслава Гвоздкова и Сергея Щипицина явила собой чистейшую смесь «французского с нижегородским», сиречь американского с самарским. В спектакле есть замечательные по искренности исполнения актерские работы. Это дочь главной героини Вайолет – Барбара (Алла Коровкина), жертвующая собственным счастьем ради сохранения распадающегося семейства; 14-летняя строптивая внучка – Джин (Алина Костюк), отстаивающая свою независимость и взрослость; потенциальный зять – Стив (Владимир Сапрыкин), тайком и греховно «ухаживающий» за Джин; племянник героини Чарли (Иршат Байбиков), чудак и недотепа, влюбившийся, не ведая того, в свою кровную сестру. И разумеется, это муж

Барбары, которого Владимир Борисов (один из негласных лидеров не только прошлого, но и нынешнего фестиваля) сыграл трагическим человеком, уставшим от борьбы с сильной и властной женой, от лжи и патологии «зараженного семейства». Опустошенный оттого, что погублены его жизнь и любовь, в попытке сохранить последнее достоинство, он бежит из семьи, выбирая, по существу, безнадежность одиночества.

А вот сама героиня спектакля у критиков и зрителей вызвала множество сомнений и возражений. Вайолет, сыгранная талантливой и опытной Жанной Романенко (номинарированной на звание «Актриса России»), как ни странно, выглядела лишь злобной истеричкой, неизлечимой алкоголичкой, крикливой и вздорной, которая тиранит дочерей и издевается над скромным, но бесспорным литературным дарованием мужа, которого она могла, но не захотела спасти от самоубийства. А в пьесе она неординарна и умна; мотивировки ее жестоких поступков прослежены в динамике противоречий. У автора Вайолет буквально провоцирует охладевшего к ней мужа на страшный поступок. Она его все еще любит, но – одновременно – и ненавидит, и мстит ему, и не желает никому его уступать. Значит актрисе (и режиссеру) необходимо было скрытое, подспудное, тайное сделать зримым и явным, а главное – ясным зрителю. К сожалению, этого не произошло.

Полноправным «соучастником» спектакля стала изобретательная декорация Олега Головки. Трехэтажная конструкция воссоздала не столько «американский дом», сколько образ и идею «дома», запущенного и запутанного «семейного гнезда», тронутого тленом разрушения. Сложную и многосоставную, в контрастах черноты и света установку для фестивального показа на сцене Тамбовского театра драмы пришлось монтировать целую ночь. Интересная сама по себе, в меру фантастичная и достоверная, адекватная неразберихе в отношениях героев, работа Головки по праву была удостоена приза за лучшую сценографию. Но порой возникало ощущение, что сложносочиненная конструкция начинает сопротивляться актерам, давит на них. Зритель уставал следить

за тем, кто куда из персонажей пошел, где скрылся (утонул в темноте), откуда слышатся вопли очередной ссоры. Путаница переходов, крутых и узких лесенок, комнат-каморок зашкаливала. Воспринимать происходящее на сцене становилось невмоготу.

ИГРА НЕ ПОШЛА

Народная артистка России Лариса Соколова из Курского драматического театра имени А.С. Пушкина номинировалась за роль Дорины в мольеровском «Тартюфе». К сожалению, выбор роли оказался неудачным: ни по возрасту, ни по фактуре актриса не соответствовала подвижной, веселой, все успевающей служанке-«хозяйке» интриги. Усугубил ситуацию пышный, богатый, «тяжелый» костюм, более подходящий госпоже, чем простолудинке Дорине. Приглашенный на постановку, известный в российской провинции режиссер Борис Горбачевский хоть и невольно, но поспособствовал тому, чтобы актерам было трудно существовать в пространстве Мольера. Шаткие, но при этом громоздкие декорации (сценография Бориса Лысикова) оказались столь же травмоопасны, сколь и неадекватны атмосфере комедии. Музыкальное сопровождение, придуманное самим режиссером, не способствовало, а мешало актерам, несоответствием происходящему на сцене вызывая

удивление критики и зрителей. (Легко ли было Андрею Колобину и Елене Петровой играть знаменитую сцену объяснения Тартюфа и Эльмиры, мужской (тяжелой) страсти и женского коварного притворства под аккомпанемент «*Lacrimosa*» из трагического моцартовского «Реквиема»?)

Зачем было превращать Тартюфа в экстрасенса и надевать на него парик с длинными космами а la Распутин, почти целиком закрывающими лицо? Ради чего заставили юную Марианну Дарьи Ковалевой молить отца о снисхождении, стоя на коленях спиной к залу, уничтожив тем самым одну из самых трогательных сцен пьесы? Почему в ключевой сцене разоблачения нужно было прятать Оргона Александра Швачунова в «кладовке» на заднем плане сцены, а не под длинной скатертью, свисающей со стола (как у Мольера)? Даже такой признанный мастер как Александр Швачунов не смог (через щель приоткрытой в чуланчик двери) сыграть борьбу чувств, силу разочарования, негодования в душе Оргона – обманутого благодетеля? К счастью, противостояние актера и режиссера (столь же старомодного, сколь и произвольного в своих «придумках») не всегда заканчивалось в пользу последнего, невзирая на неравенство сил. Оргон все же оказался самым живым и обаятельным персонажем спектакля, наивным и упертым,

И. Кузьменко – г-жа Пернель,
А. Швачунов – Оргон. «Тартюф».
Курский драматический театр
им. А.С. Пушкина

И. Камышев – Муромский,
С. Рязанцева – Атуева. «Кречинский».
Брянский областной театр драмы
им. А.К. Толстого

Pro настоящее

А. Щеглов –
Подсекальников.
«Смешная история».
Русский театр драмы
и комедии Республики
Калмыкия. Элиста

В. Кустарников –
Мальволио.
«12 ночь или
Как пожелаете».
Ульяновский
драматический театр
им. И.А. Гончарова

невиновным – виноватым, а главное – верным жанру комедии и великому комедиографу Мольеру. Залуженный артист России Александр Швачунов был более чем заслуженно удостоен премии «За вклад в развитие русского театрального искусства».

Второй спектакль режиссера – «Кречинский» Сухово-Кобылина, поставленный в Брянском областном театре драмы им. А.К. Толстого, который Горбачевский некоторое время возглавлял, тоже не стал для него удачей. Отчаянно злое веселье на грани исступления, почти истерики, коими пронизана пьеса, в спектакле отсутствовали начисто. Зато музыкальным основанием стал (опять-таки произвольно, ни к селу, ни к городу) знаменитый вальс Георгия Свиридова. В Кречинском – Юрии Киселеве не было роковой мужской привлекательности (силы, властности, цинического ума), чтобы оправдать любовь Лидочки. Расплюев – Михаил Кривоносов, в забвение комедийного жанра и трагифарсовой природы великой пьесы, превращенный в безусловную трагическую фигуру, не вызывал ничего, кроме скуки. Народный артист России Иосиф Камышев, номинированный за роль Муромского, канонически правильно сыграл патриархального старика и любящего отца – то есть то, что многократно игралось предшественниками, и тем самым лишил персонаж пронзительности и глубины страдания,

равно как и новизны видения. А вот заслуженной артистке РФ Светлане Рязанцевой, в номинациях не упомянутой, из второстепенной и небогатой возможностями роли тетки Атуевой, удалось сотворить живую, обаятельную, полную желаний и страстей женщину. Далеко не отжившая свой век, молодая, и кажется, тоже влюбленная в Кречинского, Атуева в финальной сцене всеобщего крушения вызвала сочувствие едва ли не большее, чем обманутая Лидочка. Актрисе Светлане Рязанцевой была дана премия «За вклад в развитие русского театрального искусства» – заслуженная награда.

Заслуженному артисту России Владимиру Кустарникову, сыгравшему Мальволио в шекспировской «Двенадцатой ночи» Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова премия тоже досталась, но не та, не главная, на которую он был номинирован. И здесь, по всей видимости, не «вина» актера, а «заслуга» режиссера. Замысел ушедшего из жизни, замечательного постановщика Юрия Копылова, руководившего ульяновским коллективом почти четверть века, взялся реализовать его сын – Максим Копылов, и, по всей видимости, «не справился». Жизнь сослагательного наклонения не имеет, рассуждать о том, каким мог бы быть этот спектакль, смысла нет. В том виде, в каком он сейчас существует, опус молодого Копылова вызывает много возражений.

Зачем, например, было повторять известный киноприем, занимая одну актрису сразу в двух ролях – сестры и брата? (В театре этот прием требует от исполнительницы особых, исключительных качеств и таланта виртуозного, легкого, стремительного преображенья). Молодая и бесспорно способная Екатерина Поздышева, не рассчитала свои силы, вложив в Виолу гораздо больше, чем в Себастиана, сделав его схематичным, едва ли не ходульным персонажем, совсем не заслуживающим страстной любви прекрасной и капризной Оливии. Финал, где «раздвоиться» актриса никак не может, вытянули с помощью нелепой, тормозящей действие ширмы, за которой исполнительница наспех меняла головные уборы. Финал получился маловразумительным даже для тех, кто знает сюжет шекспировской комедии, а тем, для кого он был в новинку, пришлось поломать голову, чтобы разобраться в происходящем на сцене.

Что касается Мальволио – Кустарникова, то и с ним многое непонятно. Актер сыграл человека недалекого, тщеславного, но не вредного и не злого. Проучить такого – естественно, но зачем доводить до безумия? Мария (Ольга Новицкая), сэр Тоби (Денис Бухалов) и Шут (Сергей Чиненов) травят несчастного с азартом гончих на охоте за диким зверем. Любовь

Мальволио к Оливии у Кустарникова – смешная, но искренняя. За что сводить его с ума?

Нет ответа. А тонкий и одаренный актер, в даровании которого есть столь редкая по нынешним временам трепетность и трогательность, оказался недооцененным.

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

У «Самоубийцы» Николая Эрдмана – тяжелая и несправедливая сценическая судьба. Возникает ощущение, что шлейф несчастий разного калибра, тянется за ним до сих пор. Спектаклю «Смешная история», поставленному Владиславом Константиновым в Русском театре драмы и комедии Республики Калмыкия (г. Элиста), откровенно не повезло и на Тамбовском фестивале. Во втором акте прекрасно выстроенной, органичной, абсолютно современной (при филигранном соблюдении реалий давно исчезнувшей эпохи) постановки одному из основных исполнителей стало плохо, и спектакль начал расплзаться по швам. Актер мужественно довел действие до конца, но поплыли фрагменты текста, посыпались отдельные сцены. Удержать высокую ноту грустной притчи о маленьком человеке, лишенном права на свое маленькое («тихая жизнь и приличное жалованье») счастье, имеющем мужество заявить, что Маркс ему не понравился,

Сцена из спектакля «Саня, Ваня, с ними Римас». Коми-Пермяцкий национальный драматический театр им М. Горького, Кудымкар

оказалось немыслимо трудно. Но, вопреки всему, она прозвучала.

Александр Щеглов вывел в своем Подсекальникове на первый план не искренний наив и не болезненную уязвимость... Все это присутствует в роли, но лишь оттеняет главное ее звучание – неистребимую веру в право быть человеком, а не «молекулой» – некой абстрактной, безликой, безгласной массы, которой удобно управлять. Слаженностью своей спектакль (в лучшие его мгновения) напоминал сыгранность оркестра, где каждый инструмент талантливо, искренне, честно поддерживал солиста. Великолепны были и Мария Лукьяновна – Елена Судакова (также отмеченная премией «За служение русскому театру») и Серафима Ильинична – Татьяна Михеева, и неизбывный Калабушкин – Виктор Хаптаханов. Александр Щеглов, удостоенный высшей награды фестиваля – звания «Актер России», меньше всего похож на избалованного славой театральным премьером. Такие, как он, живут и дышат театром, а театр существует благодаря им. Звучит несколько высокопарно, но по сути – верно: искусство рождается только тогда, когда у зала и сцены общее кровообращение и дыхание.

Именно так и произошло на спектакле «Саня, Ваня, с ними Римас» по пьесе Владимира Гуркина, поставленного Сергеем Андреевым в Коми-Пермяцком национальном драматическом театре имени М. Горького из Кудымкара. Оказалось, что город с населением в 30 тысяч человек обладает уникальным театром, самоотверженность которого не знает пределов. О скромном по размерам и финансам коллективе заговорили не так давно, но видевшие его – во весь голос и с восторгами. Слава театром не просто заслуженна, она выстрадана каждым спектаклем. «Саня, Ваня, с ними Римас» – один из лучших в репертуаре. Из Тамбова кудымкарцы увезли целый ворох наград, в том числе и главную: звание «Актриса России» была удостоена Галина Кудымова за роль Александры, народная по самому своему типу, с внешностью деревенской мадонны, мощным темпераментом, голосом невыразимой музыкальности, самой природой «приспособленная» играть русскую классику во

всех ее трагических и комических ипостасях, – Островского, прежде всего.

В этой постановке Сергея Андреева все оказалось на своих местах. Скупа, но содержательна, образно насыщена сценография; просты и выразительны костюмы (отличная работа художника Любови Мелехиной). Ничего случайного, произвольного в музыкальном оформлении Александра Власова. Песней «Шел казак на побывку домой», исполненной *a capella*, не просто заслушаешься, она продолжает звучать в душе долгое время спустя (аранжировка Евгения Фирсова, хормейстер Александра Симонова). В Кудымкар уехала и награда за лучший актерский ансамбль, а значит будет справедливым назвать всех поименно: Алевтина Власова (Анна), Татьяна Томилина (Софья), Надежда Крохалева (Женя), Александр Федосеев (Петр), Анатолий Попов (Иван) и Александр Власов (Римас). Глядя на них, понимаешь, что Король, то есть российский театр, не умер, как бы ни хотелось многим «новаторам» и «реформаторам» положить предел его власти над людскими сердцами и душами.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОЕКТ: УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ

Тратить время, силы и средства на разбор учебных работ организаторы региональных фестивалей не любят. Тамбовский фестиваль им. Н.Х. Рыбакова и в этом смысле составляет исключение. Молодежный проект, а в этом году он проводился в пятый раз, год от года становится все представительней и серьезней. Его задача не в выборе лучших, оценке – прерогатива театральных педагогов. Цель в другом – предоставить ребятам возможность освоить незнакомую сцену, попытаться завоевать чужой, не окрыленный заблаговременным благорасположением друзей и родных, зал. Но главное – услышать разбор своих работ из уст критиков и старших товарищей по ремеслу (фестиваль формирует отдельное Молодежное жюри). Молодые участники удивляются, спорят, негодуют, отстаивают свое мнение, одним словом, учатся существовать в выбранной ими, трудной, требующей мужества и стойкости профессии.

Сцена из спектакля «Девы».
Спектакль студентов Высшего
театрального училища им М.С. Щепкина

Камертоном проекта стали работы студентов Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина. Курс режиссера-педагога Татьяны Пышной, целевым образом набранный для Удмуртии, показал дипломный спектакль «Девы» по рассказам Федора Абрамова. Такого умного, жесткого реализма и на «взрослой» сцене сегодня днем с огнем не найдешь, а тут играют юные студентки, которых от их героинь отделяют шесть десятилетий и непреодолимый разлом эпох. Спектакль потрясал не только абсолютной правдой и точностью (от местного говора до манеры повязывать платки), но глубочайшим психологизмом и еще каким-то особым актерским братством (слово ансамбль здесь было бы не совсем точным), которое делало еще рельефней сольные работы Анастасии Шубиной (Офимья) и Натальи Алексеевой (Соломида).

Курс Владимира Бейлиса и Виталия Иванова представил дипломный спектакль «Зыковы» по пьесе Горького. Временная дистанция, разделяющая актеров и персонажей, была еще больше, разница в психологии – еще существенней, поэтому ребятам трудней давалось и развитие образов в целом, и постижение логики событий. К тому же пьеса была поставлена Виталием Ивановым не целиком, а отдельными сценами; «купюры» еще более усложняли актерскую задачу. Однако и тут нашлись исполнители, которые при всей своей юности и неопытности,

преодолели препятствия и смогли создать цельный, убедительный образ. Особо отметить хочется работу Полины Одинцовой (Софья).

«Республика ШКИД» – дипломный спектакль студентов театрального института Саратовской консерватории (отделение «Актер театра кукол») идет на малой сцене Саратовского театра драмы. Повесть Григория Белых и Леонида Пантелеева являет собой образцовый учебный материал – можно найти персонажей на все амплу и занять всех студентов курса. Но целиком произведение в учебный спектакль не влезет, а инсценировка, сделанная постановщиком спектакля Виктором Мамоновым, отягощена не только неизбежными сокращениями, но и перестановкой отдельных сцен, что нарушает хронологию событий. Трудности, создаваемые исторической дистанцией (об этом приходится говорить снова и снова, ибо ни одна постановка, кроме щепкинских «Дев», от них не свободна), провоцируют молодых актеров на клиповую манеру игры, когда каждый отдельный эпизод сам по себе хорош или, хотя бы, неплох (сцена купания, танец «Яблочко»), но общая картина не выстраивается. Отсутствует и внутренняя динамика образов – персонажи не «взрослеют», хотя за время действия проходит довольно много времени.

Студенты театрального факультета Воронежской академии искусств привезли

«Республика ШКИД».

Дипломный спектакль студентов театрального института Саратовской консерватории (Молодежный проект)

спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, идущий на сцене местного Молодежного театра (постановка Сергея Надточиева). Классик, к сожалению, оказался молодым актерам не по силам. Похоже, они так и не поняли, кого играют, как их персонажи мыслят, от чего страдают. Даже правильно носить свои пиджаки у начинающих артистов не получалось. Элементарное незнание реалий эпохи, дурновкусие (под воздействием рекламы и сегодняшнего ТВ) увы, с печальной очевидностью проявилось в спектакле. Молодые актрисы сыграли гламурных див легкого поведения (даже та, которой досталась роль маменьки героя), а не героинь Островского.

Хозяева фестиваля выставили на проект сразу три работы, отличавшиеся и жанром, и стилистикой, и качеством. Музыкальная драма «Mozart», поставленная Дмитрием Беляевым, объединила студентов актерской кафедры Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, местный симфонический оркестр, вокалистов из «Тамбовконцерта», актеров ТЮЗа и Тамбовской драмы. Но рассказа о трагической судьбе гения не получилось. Кто-то хорошо пел (например, Кристина Ерошенко – Констанс Вебер), кто-то пел отлично (Константин Колодин – Сальери), но играли из рук вон плохо. Некоторые обозначали своих персонажей лишь натужным истерическим смехом. Получилась злая пародия на мюзикл, мешанина эстрадных песен с фрагментами моцартовских творений в симфоническом исполнении, с добавлением спортивной гимнастики, спецэффектами дискотек и дилетантски несинхронно работающим шоу-балетом.

Спектакль «Неточка» по повести Ф.М. Достоевского в постановке Натальи Беляковой во многом не получился из-за неудачной инсценировки, которую сделала исполнительница заглавной роли Лидия Шумских. Непрофессиональная «редактура» и компоновка текста помешали зрителю понять, что за история разыгрывается перед ним, кого и почему здесь надо жалеть. Однако безумство храбрых, отважившихся замахнуться на самого Федора Михайловича, искренность и отвага намерений, отвага «энтузиастки» не могут не вызывать уважения. Да и

отрицательный опыт для актеров иногда значит гораздо больше, чем успех.

Несомненной удачей тамбовцев стала «Очень простая история» Марии Ладо, поставленная Павлом Козодаевым. Образы проработаны, характеристики продуманы, сценография яркая, веселая, но при этом не разрушающая своей «ярмарочной» пестротой притчевой основы пьесы (сценография и костюмы Татьяны Петровой). Молодые актеры в меру отпущенных им дарований стремились прожить, а не показать своих героев. У одних это получалось лучше (Александра Мандрикова прекрасно справилась с ролью Свины), у других – хуже, но была видна проделанная ими серьезная работа.

Может быть, и не стоило уделять так много внимания студенческим спектаклям и первым ролям будущих артистов. Ведь не секрет, что условия театральных школ и студий кардинально отличаются от тех, которые ждут дебютантов в профессиональном театре; что как бы высоко не ставил планку своим воспитанникам творческий ВУЗ, реальный театр, изнуряемый бесконечной борьбой за кассу и зрителя, задыхающийся от дефицита режиссуры, обуреваемый карьерными страстями, зачастую опускает ее «ниже некуда». Но нужно также помнить, что именно эти мальчишки и девчонки в самом ближайшем будущем могут стать (или не стать) наследниками тех самых королей и королев, которые переживают не самые лучшие времена в полуразоренном ныне королевстве отечественного театра...

«Очень простая история». Дипломный спектакль кафедры актерского мастерства Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

